

День открытых дверей проходил в особняке на Коулуне. Итальянская майолика, рельефная эмалированная плитка, крытые галереи и банановые деревья.

Ван Сыминь была одета в светлый, почти невесомый нежно-лиловый костюм с жемчужными пуговицами-брошами.

Она держалась всё так же вежливо, но с легким холодком. Увидев вошедшего Тань Юмина, она чуть заметно кивнула.

— Госпожа Ван, — первым поздоровался Тань Юмин. — У вас сегодня многолюдно.

Ван Сыминь налила ему вина:

— Как раз обеденное время, все свободны.

Тань Юмин взял бокал и представил своего спутника:

— Чжо Чжисюань, мой друг. Генеральный директор отеля «Чжундао».

В Хайши была только одна влиятельная семья по фамилии Чжо. Ван Сыминь не могла вспомнить, виделись ли они в детстве, но пожала ему руку:

— Господин Чжо, добро пожаловать.

Чжо Чжисюань ответил на рукопожатие:

— Госпожа Ван, наслышан о вас.

Ван Сыминь попросила проводить их внутрь. Чжо Чжисюань, восхищаясь, спросил:

— И полгода не прошло, а вы приобрели и оживили столько заведений. Причем это даже не сеть с единым стилем. Наверное, приходится постоянно менять партнеров и поставщиков оборудования?

Тань Юмин ответил прямо:

— Потом сам у неё и спросишь.

Официанты вынесли новые подносы с закусками. Презентация началась. Общаясь с гостями, Ван Сыминь разом сбросила свою привычную томность.

Чжо Чжисюань обсудил с ней вопросы поставщиков и цепочек поставок, они обменялись контактами. Встреча оказалась весьма полезной.

Мероприятие длилось недолго, минут сорок. Прощаясь, Чжо Чжисюань посмотрел на их гармоничную пару и подумал: если бы это было возможно, вышел бы отличный союз. По крайней мере, Тань Юмин не страдал бы так, как сегодня утром. От одних воспоминаний об этом у Чжо Чжисюаня щемило сердце.

Выйдя из особняка, они столкнулись нос к носу с человеком. Оба замерли.

Мужчина первым с улыбкой спросил:

— Уже закончилось?

Чжо Чжисюань посмотрел на реакцию Тань Юмина. Тот ответил ему такой же улыбкой:

— Должна быть еще одна часть.

— Значит, я еще не опоздал, — сказал мужчина.

Тань Юмин махнул рукой:

— Проходи.

— Увидимся.

Только сев в машину, Чжо Чжисюань спросил:

— Вы что, помирились с Куан Яном?

Еще в школьные годы в Инхуа семья Куан поддерживала Шэнь Сяочана. Куан Ян и еще один мажор первыми начали травить Шэнь Цзунняня. На уроке регби они стали к нему цепляться, дело чуть не дошло до драки. Позже Тань Юмин втайне преподал им урок: Куан Ян месяц провалялся с переломом.

Тань Юмин открыл бутылку воды и сделал глоток:

— Какая там вражда.

Хайши — город маленький, круг общения узкий. Как бы ни бушевала молодость, невозможно

вечно вести себя как ребенок. Даже сам Шэнь Цзуннянь позже провернул с Куан Яном пару не слишком значительных сделок. Ничего личного, просто бизнес.

На таких перебежчиков, если месть уже свершилась, не стоило больше обращать внимания.

Но вот прошло десять лет. Совершенно посторонние люди зарыли топор войны и стали просто знакомыми. А тот, кого он когда-то так отчаянно защищал, теперь разошелся с ним как в море корабли.

Чжо Чжисюань вывернул руль, выезжая на кольцевую дорогу. Тань Юмин сказал:

— Поехали в Хэппи-Вэлли.

Чжо Чжисюань решил, что тот соскучился по Тоффи. Ему и самому не хотелось отпускать Тань Юмина домой в одиночестве, поэтому он с готовностью согласился:

— Отлично. Я тоже давно Тоффи не видел.

Был будний день, но в Хэппи-Вэлли хватало народу.

Менеджер Хуан, давно не видевший Тань Юмина, встретил их с широкой улыбкой:

— Молодой господин Тань, молодой господин Чжо, давненько вы к нам не заглядывали!

Тань Юмин улыбнулся и взял предложенную сигарету.

Менеджер Хуан всё так же говорил с легким акцентом:

— Вы как будто похудели немного?

Тань Юмин пожал плечами:

— Дела.

— Если будете и дальше пропадать, Тоффи вас забудет.

— Пойдем, проведем его, — сказал Чжо Чжисюань.

Тоффи держали в отдельном стойле. Завидев бегущего к нему Тань Юмина, конь ласково

потеря шей о его плечо. Впервые за эти дни на лице Тань Юмина появилась искренняя, светлая улыбка.

— Ну надо же, хоть у кого-то совесть есть.

Тоффи выглядел великолепно. За ним постоянно ухаживали специалисты, так что конь был в прекрасной форме. Шэнь Цзуннянь выделял на его содержание баснословные суммы. Менеджер даже выкупил отдельный участок земли в дорогом районе Хэппи-Вэлли специально для его реабилитации и тренировок.

Менеджер Хуан честно отрабатывал свою зарплату:

— Господин Шэнь очень о нем заботится. Пару дней назад даже прислал людей проверить, как идет восстановление. Все показатели уже превосходят те, что были до травмы.

Улыбка на лице Тань Юмина померкла. Чжо Чжисюань спросил:

— Уже планируете скачки?

— Молодой господин Тань не давал распоряжений, как же мы посмеем? Но тренер говорит, что сейчас он сильнее многих скаковых лошадей.

Тань Юмин похлопал коня по крупу:

— Проеду пару кругов, посмотрим, на что он способен.

Тоффи послушно опустил голову. Тань Юмин закинул ногу, ловко вскочил в седло, натянул поводья и сорвался с места.

Всё быстрее и быстрее, всё дальше. Чжо Чжисюань обеспокоенно закричал:

— Эй, молодой господин! Не переборщи!

Тань Юмин и ухом не повел. Проскакав два круга, он наконец остановился, легко спрыгнул с лошади и велел менеджеру Хуану:

— Стремена, седло и эти поводья — всё снимите и выбросьте.

Оголовье было из того самого комплекта, который он выбирал вместе с Шэнь Цзуннянем.

— Купите новые. Завтра же перевезите коня в Иньси. Теперь он будет жить там.

— Тренера и ветеринара тоже возьмем из Иньси. Если что-то понадобится — обращайтесь ко мне.

Менеджер Хуан опешил:

— Завтра? Но как же господин Шэнь...

— Так и передадите.

Только тут до Чжо Чжисюаня дошло, что Тань Юмин приехал сюда вовсе не для того, чтобы покататься верхом.

Он хотел было вмешаться и отговорить его, но, увидев непреклонное выражение лица друга, не смог вымолвить ни слова.

Иногда решительность Тань Юмина переходила всякие границы. Ладно еще развод и раздел имущества, но зачем делить право опеки над конем?

Эх.

Спустились сумерки. Чжо Чжисюань привез друга в деловой комплекс:

— Я поехал. Если что нужно — звони в любое время.

Тань Юмин махнул рукой, не оборачиваясь, и скрылся в густой темноте.

«Ауди» развернулась и выехала на Голландский проспект.

В восемь часов вечера район Южного берега уже скинул с себя дневную суету. Черный «Бентли» остановился у стрелкового клуба Цинь Чжаотина.

Пройдя мимо тира и скалодрома, Шэнь Цзуннянь поднялся на второй этаж, где располагался зал для фехтования. Чжао Шэнгэ уже переоделся в форму и, держа в одной руке шлем, выбирал шпагу.

Судя по его костюму с галстуком, он примчался сюда прямо с какого-то официального мероприятия. Чжао Шэнгэ даже не поднял головы:

— Просишь о помощи и еще опаздываешь.

Шэнь Цзуннянь сделал вид, что не слышит. Взяв фехтовальный костюм, он сразу направился в раздевалку.

Они фехтовали на рапирах — оружии, которым легко защищаться, но трудно атаковать. Чжао Шэнгэ напал первым, целясь прямо в горло Шэнь Цзунняню. Тот сделал обманное движение и, отступив, тут же контратаковал, нанося удар в живот Чжао Шэнгэ. Это было похоже на вызов.

Противники, знавшие друг друга много лет, прекрасно изучили повадки друг друга. На мгновение клинки слились в одно целое, звон стали разнесся по залу, а от скрещивающихся лезвий полетели искры.

Судью не звали, счет не вели. Это была просто разминка.

В семье Шэнь у Шэнь Цзунняня не было возможности учиться фехтованию. Только оказавшись в семье Тань, когда Тань Чуншань нанял им учителей, он начал заниматься фехтованием, стрельбой и верховой ездой. Так что учились они с Тань Юмином у одних и тех же наставников.

После нескольких столкновений, завершившихся вничью, Шэнь Цзуннянь опустил оружие, снял шлем и подошел к краю площадки. Взяв бутылку воды, он открутил крышку и сделал глоток.

Чжао Шэнгэ тоже подошел, взял бутылку и между делом спросил:

— Сколько там у Цзян Ина?

Шэнь Цзуннянь, уперев руки в бока и восстанавливая дыхание, назвал цифру.

Чжао Шэнгэ сказал прямо:

— Этого далеко не достаточно.

Рыночная стоимость «Гуансюнь» была астрономической. Тань Юмин запросил тройную цену, отказался от опционов, и время поджимало.

Найти такую гору наличных в кратчайшие сроки — задача не из легких. Оформление кредитов, залогов, продажа недвижимости — на всё нужно время.

Причем деньги нужно было найти незаметно. Шэнь Цзуннянь и Чжао Шэнгэ оба были акционерами и директорами публичных компаний. Любые изменения в капитале нужно было декларировать, а времени на это не было.

Шэнь Цзуннянь снова запрокинул голову, сделал большой глоток ледяной воды и без церемоний заявил:

— Тогда займи мне еще.

— Тебе мало того, что я уже дал? — Чжао Шэнгэ вскинул бровь. И дело было не в деньгах. — В следующем месяце частная лаборатория Чэнь Ваня подает заявку на лицензирование.

Если на его личных счетах будут мелькать слишком частые и крупные переводы и поручительства, это может замедлить процесс. Финансовые проверки станут жестче, бюрократия усилится, и процедура регистрации лаборатории затянется.

Настроение у Шэнь Цзунняня в последнее время было неважным, характер тоже:

— Нет денег — помалкивай.

— ... — Чжао Шэнгэ вежливо поинтересовался: — И что ты собираешься делать?

Шэнь Цзуннянь ответил лаконично:

— Искать деньги.

Чжао Шэнгэ посмотрел в окно на светящиеся окна высоток. Свет падал на его брови и переносицу:

— На самом деле, даже если ты не купишь эти акции, Тань Юмин всё равно озолотится.

От компании-газели до единорога — сейчас «Гуансюнь» была лакомым куском на рынке.

Шэнь Цзуннянь покачал головой:

— Это другое.

Чжао Шэнгэ признавал только цифры:

— Ничего другого. Деньги есть деньги.

Шэнь Цзуннянь боялся не того, что Тань Юмин продешевит. Тань Юмин никогда не упустил бы своей выгоды. Шэнь Цзуннянь запрокинул голову, сделал еще один глоток холодной воды и тихо, спокойно сказал:

— Я боюсь, что однажды он пожалеет об этом и захочет их выкупить обратно.

Если акции разползутся по рукам разных инвесторов, собрать их снова будет очень сложно. Да и не факт, что владельцы захотят их продавать, даже за большие деньги.

Чжао Шэнгэ замер и нахмурился.

Вот оно что. «Гуансюнь» была своего рода страховкой, которую Шэнь Цзуннянь подготовил для Тань Юмина. Сейчас Тань Юмин решил от нее избавиться, и Шэнь Цзуннянь был готов выкупить ее за бешеные деньги, чтобы сохранить у себя. А когда Тань Юмин захочет ее вернуть — он отдаст ее просто так.

Чжао Шэнгэ вдруг вспомнилась Пасха в один из учебных годов в Инхуа. Школа устроила конкурс по росписи пасхальных яиц. Тань Юмин расписал их просто отлично, но всё равно остался недоволен. Их было больше десятка, больших и маленьких:

— Выбросьте всё. Я нарисую заново.

Шэнь Цзуннянь окинул их взглядом:

— Уверен?

— Угу, — Тань Юмин раздраженно вертел в руках кисточку. — Ни одно не нравится.

Шэнь Цзуннянь молча убрал их все.

В самый последний день перед конкурсом Тань Юмин вдруг пожалел:

— А знаешь, то яйцо с бабочкой было самым удачным. Надо было его оставить.

Шэнь Цзуннянь смотрел, как Тань Юмин рвет на себе волосы от досады, и только в самый последний момент перед сдачей работ неторопливо открыл свой шкафчик:

— Выбирай.

Тань Юмин вытаращил глаза. Ящик был доверху забит всеми его забракованными пасхальными яйцами. И с бабочками, и с лисами, и красивые, и не очень.

«Гуансюнь» была для Шэнь Цзунняня теми же пасхальными яйцами — страховкой и путем к отступлению для Тань Юмина. И ради этого он был готов заплатить любую цену.

Безумие. Говорить что-либо было бесполезно. Чжао Шэнгэ понимающе кивнул, то ли восхищенно, то ли насмешливо:

— А, так ты всё планируешь наперед, да?

Шэнь Цзуннянь терпеть не мог его манеру разговора:

— Ты больной?

Чжао Шэнгэ пропустил это мимо ушей. Он понимал, что Шэнь Цзуннянь просто хочет сделать Тань Юмину приятное:

— Думаешь, это поможет?

Шэнь Цзуннянь смотрел в окно высотки:

— Не знаю.

Но у него больше ничего не осталось. Если это поможет Тань Юмину хоть немного успокоиться — уже хорошо.

Шэнь Цзуннянь швырнул пустую бутылку в урну и направился в душевую.

Чжао Шэнгэ некоторое время стоял один в просторном зале, о чем-то размышляя. Затем он достал телефон, отправил короткое сообщение своему помощнику и, подхватив спортивную сумку, тоже направился в раздевалку.

Они вышли из клуба уже после десяти. Чжао Шэнгэ спросил:

— Как поедешь?

— На машине.

— Ясно.

Шэнь Цзуннянь не стал переспрашивать, не давая ему возможности ответить: «Меня Чэнь Вань заберет». Он просто нажал на брелок сигнализации, открыл дверь, сел в машину и, вдавив

педаль газа в пол, выехал на главную дорогу.

Чжао Шэнгэ подошел к обочине и открыл пассажирскую дверь «Куллинана». Чэнь Вань, как раз заканчивавший рабочий звонок, обернулся к нему, глаза его улыбались. Повесив трубку, он спросил:

— Ну как?

Чжао Шэнгэ покачал головой.

Чэнь Вань задумался на секунду:

— Может, мне поговорить с Юмином? — В последнее время они часто играли в онлайн-игры, и все из кожи вон лезли, лишь бы дать Тань Юмину выиграть.

— Бесполезно, — Чжао Шэнгэ пристегнул ремень безопасности. — В их дела никто не сможет влезть. — Так было с самого детства.

На следующий день, в перерыве между совещаниями с Цзян Ином, Шэнь Цзуннянь получил сообщение от Чжао Шэнгэ: визитную карточку профиля в соцсети.

Шэнь Цзуннянь не ожидал, что Чжао Шэнгэ найдет ему именно этого человека. Он тут же переслал контакт Чжун Маньцин с поручением выйти на связь.

Просмотрев несколько бизнес-планов так, что в глазах зарябило, Цзян Ин бросил их на стол. Потирая виски, он спросил:

— Ну что там?

Шэнь Цзуннянь ответил:

— Чжао Шэнгэ нашел Старого Призрака Ло.

— Старого Призрака Ло? — Цзян Ин встал, потянулся и, уперев руки в бока, подошел к

панорамному окну. — Банк и ломбард семьи Ло берутся за всё. У них много связей и огромный оборот. Но этот Старый Призрак Ло — тот еще жуткий тип.

— Раз Чжао Шэнгэ посоветовал его мне, значит, шанс есть. — Шэнь Цзуннянь собирался попробовать в любом случае. — Я поручил Чжун Маньцин прошупать почву.

Цзян Ин взял лейку с длинным носиком и опрыскал несколько горшков с цимбидиумом, стоящих в кабинете:

— Они же почти завяли.

Шэнь Цзуннянь мельком взглянул на цветы. Орхидеи были не его. Уборщицы исправно поливали их и ухаживали за ними, но они всё равно продолжали чахнуть, словно твердо решив погибнуть.

Цзян Ин, хоть и вращался в жестких кругах, имел мягкое сердце по отношению к растениям. Он переставил орхидеи в более солнечное место и сказал:

— Я бы всё-таки не советовал.

И дело было не в том, у кого занимать деньги. Связываться со Старым Призраком Ло или с кем-то вроде Хуан Дасяня — это всё равно что пить яд, чтобы утолить жажду.

— Ты знаешь его лучше меня, — Цзян Ин опустил глаза, машинально обрывая засохшие лепестки. — Ты не можешь не понимать: это только первый шаг.

Даже если не брать в расчет «Хуаньту» и «Пинхай», раздел их личных совместных активов вызовет настоящее землетрясение.

Двадцать с лишним лет их жизни переплелись настолько тесно, что распутать этот клубок сложнее, чем при разводе и разделе имущества. Потянешь за одну ниточку — отзовется всё.

К тому же сейчас они вели себя как игроки в казино: один постоянно повышал ставки, а второй покорно их принимал. Карты становились всё крупнее, и ситуация грозила выйти из-под контроля.

— Сейчас это «Гуансюнь». А что ты будешь делать дальше?

— Думаешь, Тань Юмин на этом остановится? Ты же знаешь его характер лучше всех.

— Даже если ты готов отдать ему все деньги, в Хайши не хватит стен, чтобы ты смог их

разобрать и залатать свои дыры.

Шэнь Цзунняня это не пугало, он был тверд в своем решении:

— Времени еще достаточно, я найду способ.

Всё, чего бы ни захотел Тань Юмин, он достанет.

Цзян Ин замер у горшков с орхидеями. Он поправил очки. С виду такой интеллигентный, но слова его били наотмашь:

— Если ты планируешь задействовать зарубежные счета, то это верная смерть.

Тань Юмин, скорее всего, даже не догадывался о происхождении этих зарубежных активов. Шэнь Цзунняня в период изгнания видел только Цзян Ин. Спасаясь от преследователей Шэнь Сяочана и только-только вырвавшись из лап итальянской мафии, они встретились в Тоскане. Шэнь Цзуннянь тогда был на волосок от смерти, в нем едва теплилась жизнь.

— Ты играешь с огнем, — лицо Цзян Ина стало суровым, вся его привычная доброжелательность исчезла. — Он не понимает, что творит, так ты-то куда лезешь?

Цзян Ин действительно не понимал:

— Обязательно доводить всё до такого финала? У тебя ничего не останется, как ты будешь жить там?

Шэнь Цзуннянь высоко поднял голову, ничуть не дрогнув. Он никогда не делал того, в чем не был уверен:

— Я знаю, что делаю. — Он выживет в любых условиях.

Один из длинных лепестков гладиолуса упал на пол. Цзян Ин нахмурился и хотел было возразить, но в дверь постучали. Это был Цяо Жуй:

— О, господин Цзян тоже здесь.

— Ты ко мне? — спросил Шэнь Цзуннянь.

— Ага, — Цяо Жуй ослабил узел галстука. — Только что с совещания. Пойдем пообедаем?

Он провел на совещаниях всё утро, а днем предстояло продолжение. Хотел обсудить пару идей по проектам во время обеда.

Шэнь Цзуннянь посмотрел на Цзян Ина:

— Останешься на обед?

Цзян Ин перевел взгляд с одного на другого и кивнул. Все трое зашли в лифт. Цзян Ин хотел было спросить, кто в итоге поедет заниматься энергетическим проектом, но, вспомнив, что до финальной оценки это конфиденциальная информация, промолчал.

В столовой для сотрудников на трех этажах было не протолкнуться — самый час пик.

Чжо Чжисюань выкроил время в обеденный перерыв, чтобы приехать в «Пинхай» к Тань Юмину:

— А глаз у менеджера Хуана наметанный. Ты и правда немного похудел.

— Да ну, — ответил Тань Юмин. В последние дни аппетита и правда не было, но он всё равно исправно питался три раза в день. Убиваться из-за всей этой ерунды он не собирался, он не настолько глуп.

Чжо Чжисюань налил ему супа и заметил, что тот не отрывается от телефона:

— Что случилось?

— Послезавтра в «Орлином пруду» шоу. Ли Байхао забронировал стол.

Ли Байхао не только кинул клич в общем чате, но и написал ему лично, горячо умоляя прийти. Тань Юмин вдруг вспомнил: в их чате изначально было девять человек. Се Чжэньлинь из него вышел. Интересно, Ли Байхао еще помнит о нем? И как он сейчас живет?

— Тань Юмин?

Он очнулся:

— Что?

— Ты пойдешь?

Тань Юмин отложил палочки, сделал глоток чая — оказалось, лимонный, — и отодвинул чашку в сторону. Вытерев губы салфеткой, он равнодушно ответил:

— Пойду, а почему нет? — Роскошь, кутежи и прожигание жизни — это же то, что он любил больше всего.

Чжо Чжисюань открыл рот, мысленно вздохнул и только сказал:

— Поешь еще немного.

В воскресенье Тань Юмин, как и обещал, прибыл в «Орлиный пруд».

Это было самое злачное место на всем острове.

Чем выше статус членства, тем больше привилегий. «Кайен» остановился у ворот Кунь. Из машины высунулась длинная нога. Тань Юмин был в шелковой рубашке перламутрового цвета, но на его лице не было ни тени улыбки.

Дворецкий для членов клуба категории А уже ждал его, чтобы провести через водные ворота.

Впереди мелькнула фигура в рубашке от Armani. Мужчина невысокого роста обнимал женщину в ципао. Тань Юмин не успел разглядеть его лицо, как они подошли к блоку Б.

Столик, который забронировал Ли Байхао, находился в самом центре второго полуэтажа. Тань Юмин привычно окунулся в атмосферу разврата и роскоши.

Как только он появился, его тут же заметили. Друзья с улыбками поднялись навстречу. Самое почетное место в центре берегли специально для него, и Тань Юмин как ни в чем не бывало

занял его.

Один из парней сидел в обнимку с девушкой. Тань Юмин, приподняв веки, подколот его:

— А невестка в курсе?

Парень опешил, потом рассмеялся и, взяв бутылку, налил ему вина:

— Кто тебя опять обидел?

Тань Юмин не взял бокал. Он сам налил себе вина.

Вскоре началось шоу. Тань Юмин, привыкший к подобным зрелищам, откровенно скучал. Что там показывали на сцене, почему толпа визжала от восторга — всё проходило мимо него.

Блуждая равнодушным взглядом по залу, он вдруг столкнулся с парой черных, ледяных глаз. Острых, как лезвие меча.

Пальцы, сжимавшие бокал, побелели. Тань Юмин яростно свел брови.

Какого черта здесь делает Шэнь Цзуннянь?!

<http://bllate.org/book/17117/1614124>